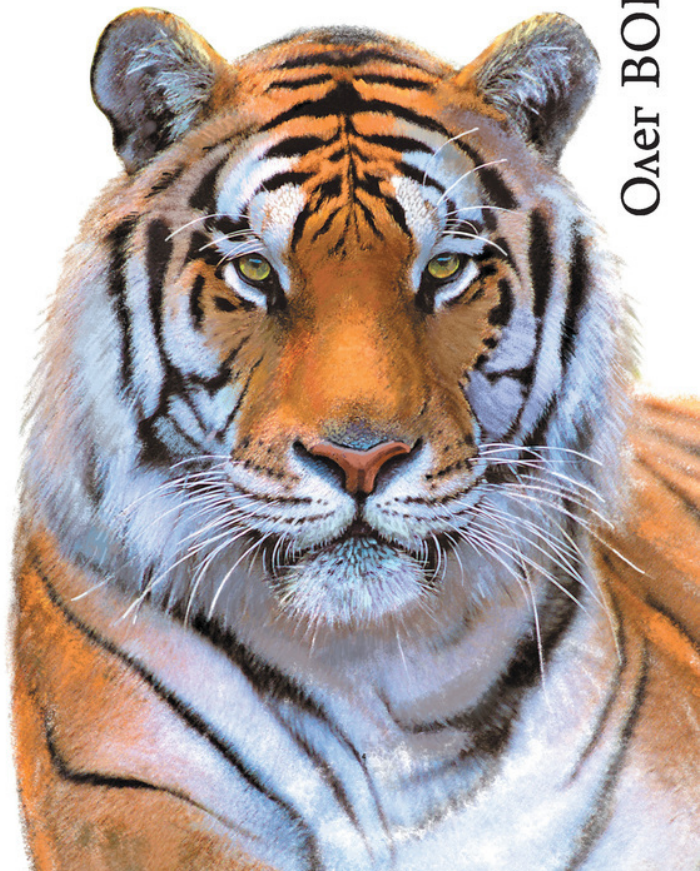

ПОД ЗНАКОМ ТИГРА

Олег ВОРОНОЙ

Олег Николаевич Вороной

Под знаком тигра

Серия «Жизнь замечательных зверей»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6223599
Под знаком тигра: АСТ; М.: 2013
ISBN 978-5-17-079805-6

Аннотация

Кто всегда был и остается настоящим повелителем тайги?
Конечно же, тигр! Жар-зверь!

Есть ли ещё в мире кто-нибудь с таким ярким жёлтым светом?
Нет никого. Есть ли кто ещё среди живых существ, про кого
создано столько сказок, кому поклоняются, кого так боятся,
которым так восхищаются? Нет таких.

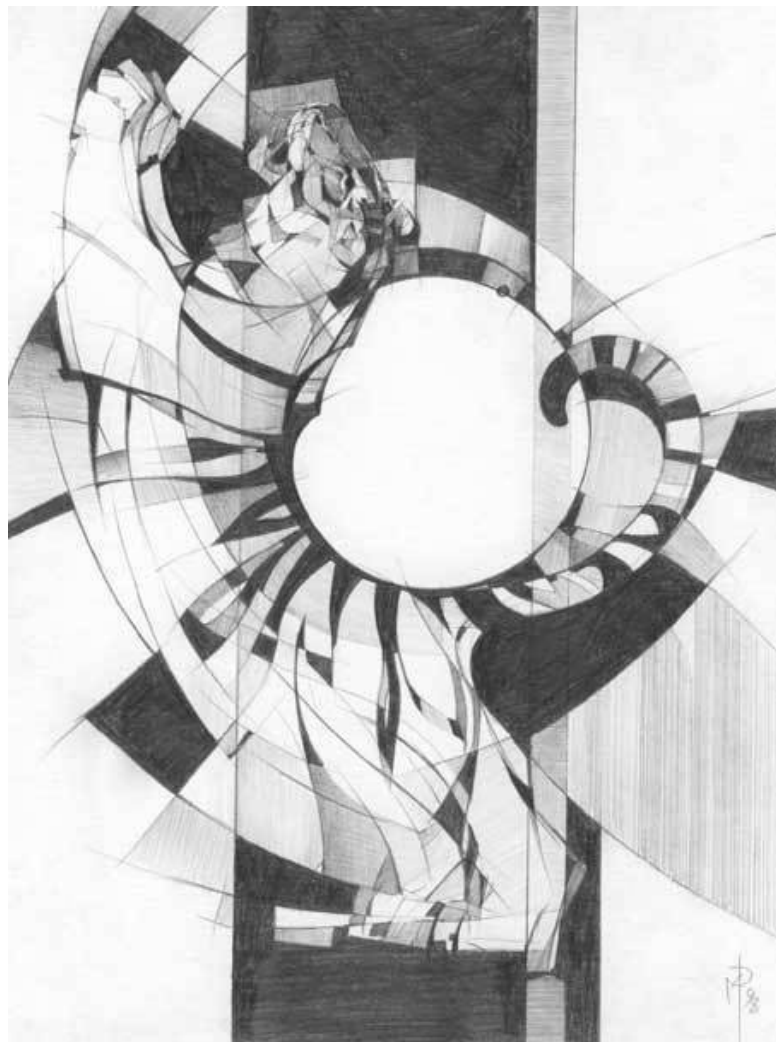
Может, потому, что иногда кому-нибудь из людей
посчастливится увидеть золотой тигриный свет? Может, потому,
что нет более огненного зверя, чем тигр? Может, потому, что тигр
– это и есть ЖАР-ЗВЕРЬ?..

Содержание

Жар-зверь	9
Кормилец	12
Обидчик	20
Голливуд	24
Пагуба	29
Убей меня червонцем!	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Олег Вороной

Под знаком тигра

Когда-то русские люди шли на восток в поисках легендарной земли Беловодье, в поисках сказочной жар-птицы, в поисках своего счастья. Среди них был и мой прадед. Нашли они у берегов Тихого океана страну Беловодье, нашли они своё трудное счастье, а вместо Жар-птицы нашли Жар-зверя – тигра.

Все мои предки были известными охотниками, не раз встречались с Жар-зверем, а отца моего тигр покалечил. Поклялся я, что, когда стану взрослым, обязательно убью тигра.

Но... в 1994 году стал первым координатором международного проекта WWF по спасению этого зверя.

Много мудрых и интересных историй, связанных с соседством тигра и человека, хранит приморская тайга – лучшие из них собраны для вас в этой повести.

Жар-зверь

Тихий теплый вечер спелой осени...

Ещё вчера Приморская тайга стонала и содрогалась от неистовой силы глубокого циклона, что ворвался в ещё не обнажившиеся заросли, окатил ледяным ливнем и, не давая опомниться, придавил мокрым снегом. Да не рассчитал силушку. Встрепенулась тайга, поднялась и давай стряхивать с себя белую, холодную и липкую тяжесть.

Не ко времени снег, не ко времени...

Ещё не отпыхали красные кленовые костры; не отшептали золотые сказки вековые дубы; не покинули тёплое небо бабочки и мошки; не остекленели взгляды лужиц и озёр; не отблагоухала густым ароматом пряная земля.

И полетели наземь обрывки белых одеял. Заликовал пернатый народ, засуетился: «Это не зима! Это не зима! Это не зима!» И всяк по-своему стал расправляться с непрошеным снегом. Размотали свои тончайшие лески пауки, вылавливая всё нерастраченное тепло; поползла по белому снегу мошкарка, на глазах темнея и загорая до черноты; деревья, поспешно сбросив ненужную белизну, сыпанули следом остатки листвы, хороня чуждый холод. Скала, влажно поблёскивая, мокреет, темнеет, льнёт к боку сопки, словно пригреваясь и подрёмывая.

Неожиданно яркий день словно занялся с новой силой. На

скале полыхнул золотым самородком тигр и, словно осознавая свою значимость, застыл на самой вершине.

Жар-зверь!

Мир, подсвеченный золотым тигриным светом, понемногу затих. Солнце, до этого медленное и гордое, заторопилось, растерянно замигало, заозиралось, высматривая среди сопок удобную, скрытую от всех ложбину, и покатилося на ночёвку. Что оно теперь? Ну, посветило, ну, погрело.

А настоящий повелитель тайги вот он – на скале.

Есть ли ещё в мире кто-нибудь с таким ярким жёлтым светом? Нет никого. Ни на небе, ни на земле. Есть ли кто ещё среди живых существ, про кого сочиняют столько сказок, которому поклоняются, которого так боятся, которым так восхищаются? Нет таких. Подавляющее большинство людей чтят, прежде всего, тигра и многие хотят обладать тигриными качествами.

Может, потому, что иногда кому-нибудь везёт увидеть золотой тигриный свет? Может, потому, что нет более огненного зверя, чем тигр?

Может, потому, что тигр – это и есть ЖАР-ЗВЕРЬ?..

Кормилец

Никогда не думал, что стану защищать тигров, а уж тем более их спасать. Я вообще всю жизнь их люто ненавидел. Ещё с детства, когда увидел соседскую корову с разодранными боками, истекающую кровью... Она сама дошла до дома, а потом околела. И все соседские бабы голосили по ней, как по покойнице. А мужики скрипели зубами и, глухо матюкаясь, клялись «порешить тигру». А мы, пацаны, больше всего на свете любившие читать про тигроловов, охотно верили, что «все беды охотников от тигры», что спокойного «выпаса скота нет из-за тигры», что «тигра шугает зверьё в тайге», что «лучшего друга человека – собаку, изводит тигра». Ну и клялись друг перед другом, что, когда вырастем, «всех тигров перестреляем». Кто обещал десять тигров застрелить, кто двадцать, а кто и пятьдесят. Надо сказать, что больше пятидесяти было просто фантастическое число – никакая бригада охотников за сезон не добывала больше пятидесяти кабанов или изюбрей. А куча из двадцати – тридцати изюбрей (их иногда замороженных целиком привозили в госпромхоз для сдачи государству) была просто величайшей горой мяса!

Вырос, отслужил в армии, вернулся в родную тайгу, стал штатным охотником-промысловиком. Так и жил бесхитростно: ловил соболей, стрелял белок, добывал кабанов,

изюбрей, косуль. При случае и в тигра стрелял, чтоб не было «конкурентов». Как и многие другие охотники.

Женился, детишки пошли. План выполнял, премии, грамоты давали. Всё как у людей.

Так и шла моя охотничья жизнь до 19.. года. А был тот год тяжёлый для охоты: много снега, мало кедрового ореха и желудей. Всем в тайге было трудно, не только охотникам. А тут ещё тигры из Хабаровского края перешли в Приморье за кабанами: по охотничьим тропам стали ходить, капканы спускать да приманку съедать или что в капканы попадалось, а то и собак охотничьих вылавливать. У меня собачку съели – такая была умная, прямо мысли мои читала. Только подумую: «Чара, ты где?» – бежит навстречу. Только подумую: «Свежий беличий след», – уже белку облаивает.

Да, так вот собаку тогда мою тигры съели, двух соболей съели, по тропе туда-сюда шастают... И какое тут будет настроение? Правильно – никакого. Злой я был на них. Никогда в жизни такой злой не был. Вот, думаю, повстречается – рассчитаюсь за всё.

Ну и повстречались.

Ну и рассчитался.

Подстрелил кабана. Набил котомку мясом – килограммов тридцать – и иду по тропе к зимовью. Иду и матерюсь на себя: мешок полиэтиленовый забыл. И прямо чувствую, как котомка намокает, как пропитывается кровью одежда и спина становится мокрой. И ведь оставить мясо, чтоб замёрзло,

нельзя, – за этим табуном чушек два тигрёнка шли. Сразу
мясо найдут и сожрут.

Вот иду и, натурально, в полный голос матерюсь. Этому искусству в армии хорошо нас старшина выучил – матерщинник был талантливейший. Так умел «завернуть заковыристо», что слушались его беспрекословно, в основном от удивления.

Иду, матерюсь – так, вроде, быстрее и легче идти. А тропа проложена по руслу ручья: русло узкое и глубокое, берега, заросшие, выше головы. И вдруг падаю ничком, сбитый ударом сверху. Падая, краем глаза вижу тигриный полосатый бок. Упал в снег лицом, грудью на карабин – карабин висел на груди, котомка придавила плечи и шею.

Всё, конец, – думаю.

Над головой тигриный рокот, в спину всаживаются и выдергиваются лезвия когтей, рёбра хрустят, одежда трещит...

Хорошо, лицом в снег упал – быстро в себя пришёл, соображать начал. Почувствовал, что едят не меня, а котомку, то есть – кабанье мясо из котомки. Что тигр не тяжёлый, и что их – два.

Потом сообразил, что это два тигрёнка. Начал быстро копать рукой в снегу, пытаюсь добраться до предохранителя. Добрался, карабин выстрелил. Прямо возле левого уха. Когда в голове звон от выстрела прошёл, осознал, что по мне уже давно никто не топчется, не скачет.

Приподнял голову – никого. Встал на четвереньки – никого. Поднялся в полный рост – никого.

И так мне после этого ужаса радостно стало! Ну в жизни никогда так не радовался!

Вид у меня был, конечно, страшный: весь в крови, одежда на спине изодрана в клочья. Но сам счастли-и-вы-ый!

Бреду по тропе потихонечку, что-то детское напеваю, вроде того: «Только просыпаюсь – улыбаюсь я. // Мама дорогая, милая моя. // Я смотрю на солнце – улыбаюсь я. // Мама дорогая, милая моя», – ну в детском саду такое с детьми учат.

И действительно, смотрю на мир, словно впервые его вижу.

Смотрю на солнце – тусклое и дрожащее, словно выброшенная на берег медуза, – смотрю я на это зимнее солнце, и оно, словно спущенный мяч, начинает втягивать в себя воздух, становится упругим, звонким, ярким до боли. Вот-вот лопнет, и разлетится по миру жёлтый тёплый свет новой весны!

Смотрю на кедры и ели, которые словно все из замёрзшей зелёной воды, и чудится, что не изо льда они, а из зелёного весёлого огня, который вот-вот взметнёт свои языки до синего небесного льда, и небо растает и потечёт над Землёй, играя солнечными бликами и радостно отражая благодать земную!

Смотрю на бесцветный холодный и скрипучий снег и вижу, что вовсе он не бесцветный, что переливается и играет он красными, оранжевыми, жёлтыми, зелёными, голубыми, синими, фиолетовыми искрами, и эти искры вовсе не искры,

а разноцветные ноты, которые чисто и торжественно выводят и выписывают, как на картине, симфонию Жизни...

...Потом стал я подкармливать этих тигрят. Видать, мамку их кто-то убил, а они ещё малые, сами охотиться толком не научились. За кабанами, видно, ходили-ходили, да всё без толку и до того оголодали, что, не боясь человека, прыгнули на пахнущую парной кабанятиной котомку и глотали мясо, пока не выстрелил карабин.

Сначала я забирал мясо, а кости, голову, ноги, требуху тащил за собой пару километров, прокладывая пахучий след, который тигрята находили и по нему добирались до пищи. А потом они уже по звуку выстрела приходили и ждали, пока я уйду, чтобы получить свою долю.

Так до весны они и выжили.

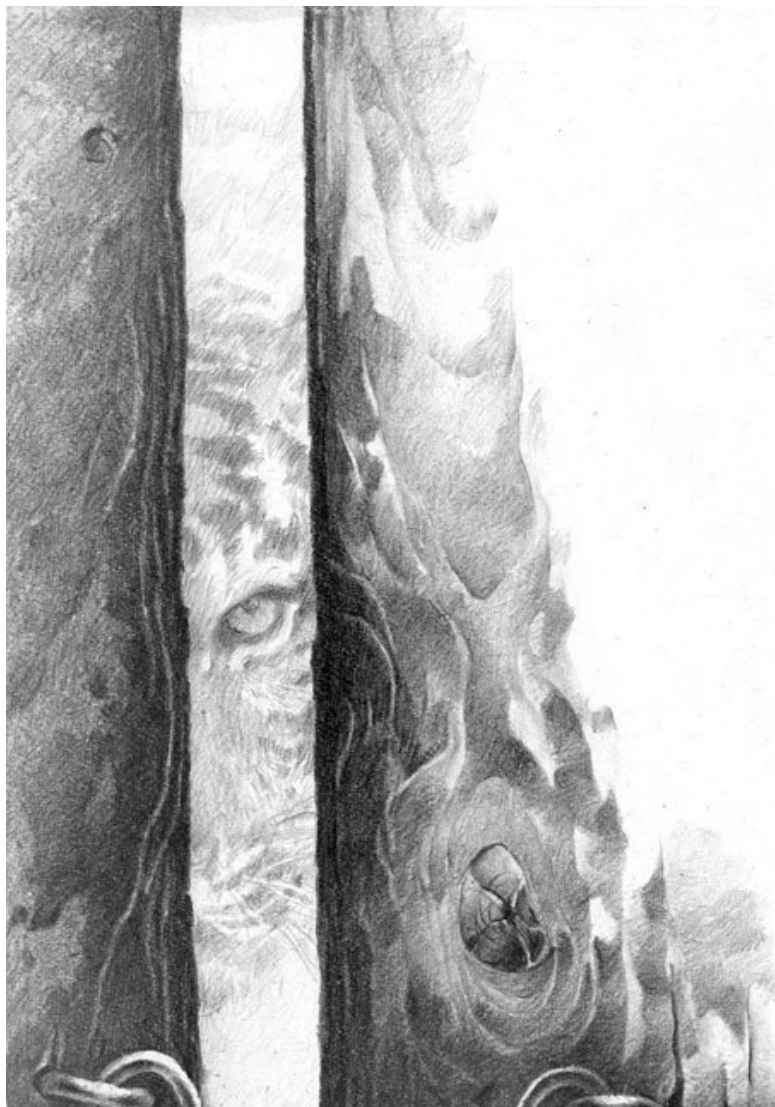

Обидчик

Обидеть тигра невозможно! Не такой это зверь. Всегда за себя постоит, гордый он и цену себе знает.

Это я про нашего тигра, про уссурийского, про дикого. В цирке – это не тигр. Конечно, внешность у него тигриная, но душа – увы! – собачья! Всё настоящее, тигриное с малолетства выбито. А как иначе? Попробуй, обучи кошку трюки выделывать – без боли ничего у тебя не выйдет. Ну, может, только самое простецкое, и то если будешь бесконечно ласков и терпелив. Не более! Почему клоун Куклачёв стал знаменит на весь мир? Потому что смог выдрессировать кошек, которые еще недавно считались «не поддающимися дрессировке животными». А как он смог? Думаю, только с помощью болевых эффектов. Почему и скандалы в некоторых развитых странах были. Вот так вот.

Это домашние кошки, утратившие за сотни лет часть своего природного естества. Но тигр-то не кошка! Потому их дрессировка считается «высшим пилотажем»: любая ошибка может закончиться трагедией. Несмотря на то что стараются брать тигрят от давно прирученных тигров. А если взять тигрёнка, который уже по лесу побегал, волю таёжную попробовал, то воспитать циркового артиста – шансов практически никаких нет. Такой вот зверь.

К чему я это все рассказываю? Да к тому, что дикого тигра обидеть никому не удавалось. Кроме меня. Не верите? Ну, слушайте.

Конечно же, все получилось чисто случайно. Рассказываю то, что было.

Это произошло после Нового года, первого января, в полдень. Накануне выпал свежий снег – сантиметров пятнадцать. Ну вот, после всех застолий, отоспавшись, стал помогать в доме прибираться. Взял помойное ведро и понёс его во двор. Дом у меня в селе крайний. За сараем начинается лес. Во дворе постоял – такое наслаждение после праздника подышать воздухом, снегом полюбоваться да тишину послушать. Стоял, дышал и что-то вдруг заторопился – как подтолкнул кто-то к сараю, за которым выгребная яма, – помои вылить. Только к сараю, а из-за него – Тайга – собачка моя – чуть с ног не сбила. «Ах ты, – говорю, – нехорошая – опять ошейник через голову стянула и убежала, вместо того чтобы дом сторожить».

Шагнул за угол, а мне под ноги – прыг – тигр!

За Тайгой бежал.

Затормозил он всеми четырьмя, пропахал по снегу. Тут я ему прямо в морду помои и выплеснул.

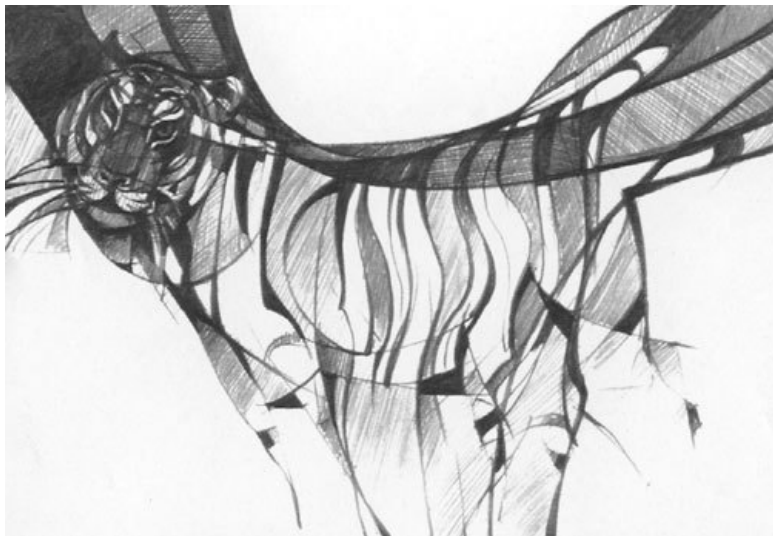
Почему? – Сам не знаю. Может, с испугу.

Как я этим тигра обидел! Застонал он так жалостно, хвост поджал и побрёл в сторону, фыркая.

Понуро так, словно пёс побитый.

Оглянется, фыркнет обиженно, шагнёт, оглянется, фыркнет обиженно, шагнёт. И так мне от этого неудобно стало! Даже слёзы на глаза навернулись. Так и смотрел сквозь слёзы, как тигр уходит, обиженный.

До сих пор его жалко!

Голливуд

Мне позвонили из Голливуда.

– Мистер, можно ли с вашей помощью снять фильм, как ловят сибирского тигра?

– М-м-можно...

* * *

Морозный воздух. Клубы пара над горной рекой. Тёмная вода бьется в ледяном ложе. Сквозь стон реки доносится мерный скрип снега. Шаги. Мерно покачиваются заросшие непроходимые берега, гигантские тополя, кедры. В такт шагам покачиваются заснеженные скалы, крутые островерхие сопки, низкое солнце. Звуки шагов заглушает прерывистое дыхание, его перебивает другое – надсадное, рвущееся. Разлетелись комья снега. Заснеженная морда собаки нетерпеливо ныряет в каждую лунку гигантских кошачьих следов, тянет за собой туго натянутый поводок над выгнутой от напряжения спиной, над азартно машущим кольцом пушистого хвоста. Поводок тянет едва поспевающего человека. Иней облепил усы, бороду, шапку-ушанку, плечи, ствол карабина. Капли пота скатываются по щекам. Заледенелые ичиги тяжело ступают по глубокому снегу. Шаги заглушает нетерпели-

вое повизгивание другой собаки, другой бородач с распахнутой курткой, хрипя и покашливая, спешит по следу. За ними третья пара «собака – человек», четвертая...

– Пуска-а-а-й!

– А-а-й! А-й! – раскатисто заахали смурные сопки.

Тигроловы поклонились, отцепляя поводки, и тайга застонала набатом собачьего гона.

– Быстрее-е-ей! Держа-а-а-ат!

Всё сильнее раскачивается заснеженная тайга, всё быстрее мелькают следы, всё громче и громче лай собак.

А-а-а-ах! Гроыхнула тигриным рыком непролазная стена северных джунглей. Меж стволов замелькали силуэты собак. Высветился золотым самородком бок тигра, отбивающегося передними лапами от наседающих преследователей.

– Руби рогули! Вязки готовь!

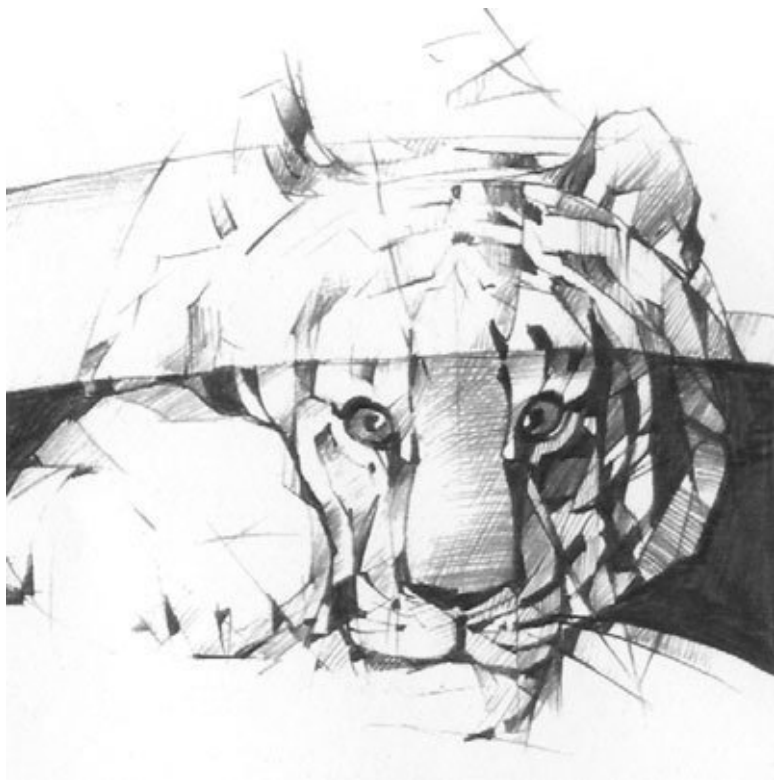
Зазвенели топоры, ударяя в промерзшую древесину. С рогатинами наперевес тигроловы с разных сторон подступают к тигру. Полосатая голова крутится во все стороны, клыки мокро сверкают, свирепый рык заглушает лай собак, крики людей.

Качнулись горы. Небо заслонили силуэты людей. Облако снега взвилось вверх – опало на шевелящийся клубок тел. Рогатины вдавили в снег полосатую шею, бок, лапы. Клыки грызут мёрзлое дерево, матерчатые ленты опутывают лапы...

Собаки сосредоточенно зализывают раны. Разгорячённые мужики сидят на снегу вокруг связанного тигра. Разрумянившиеся щёки словно подсвечивают конуса самокруток – «козых ножек». Поддрагивающие заскорузлые пальцы методично подносят к губам газетное курево. Волосатые лица окутывают клубы дыма.

Последние кадры: дальний план, героическая четвёрка несёт на жердяных носилках отловленного молодого тигра...

...И никто не видит, как Тайфун, просунув сквозь опутавшие морду вязки язык, лижет и лижет мою руку, сотни раз дававшую ему, Тайфуну, мясо.

Пагуба

– Слыхали? Наконец-то в России запретили курение в общественных местах. Хорошее дело. Правильно это. Я-то сам с детства не курю и курение считаю бедой человечества. Отношусь к этому крайне отрицательно. Хотя, должен признаться, в детстве одно время увлекался серьёзно этим. После седьмого класса с двоюродным братцем курили по-чёрному. На летних каникулах каждый день бегали на пограничную заставу. Помогали пограничникам то картошку почистить, то лошадей покормить, то ещё что-нибудь. За это и автомат незаряженный разрешали подержать, а то и разобрать-собрать его. Что может быть для пацанов интересней?! Ну и курили с пограничниками как черти. По две пачки «Опала» в день скуривали. Каникулы пролетели, как поезд скорый. Завтра уже домой ехать, и что-то меня к зеркалу подвело. Поглядел я на себя и... испугался. Показался себе худющим и зелёным. От курева. Вот с этого момента и не курю.

Но есть у меня двое знакомых, которые клянутся, что курение им жизнь спасло.

Один геолог. На Севере работал. Что-то там летом в тундре по берегам рек изучал-собирал. В одиночку почему-то. Вот он вечером в палатку-одноместку свою забрался, застегнул её наглухо. Выкурил пару папирос, чтоб комары

близко не подлетали, спать не мешали. А тут – бурый медведь. Подошёл к палатке, ухватил через брезент клыками его за плечо, да и рванул, чтоб человека вытащить. Рванул – и бросил. Ушёл. Как знакомый сказал: «Потому что в ноздри ему из палатки табачным дымом шибануло». Уверяет, что именно это его от смерти и спасло. 70 километров он потом с разорванным плечом топал по тундре до ближайшего посёлка. Еле дошёл. Последние километры уже полз в беспомощности.

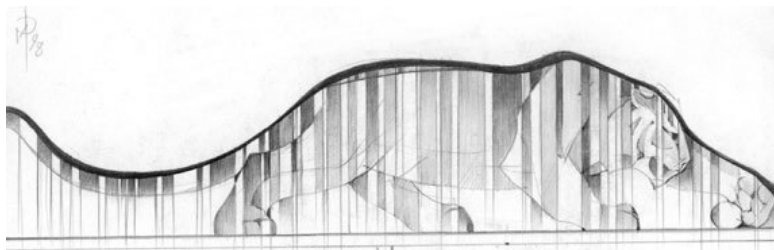

Да. А второй знакомый – учёный. Тигров в Сихотэ-Алиньском заповеднике изучал. Ошейники на них надевал с радиопередатчиками. Перед этим, конечно, их в большую клетку ловил, усыплял из ружья летающим шприцем...

Клетка эта – как большая мышеловка, а вместо приманки – собака в конце, в специальной загородке. Тигр заходит в клетку за собакой, наступает на специальную дощечку, и за ним падает дверца. Не всякая собака такое выдерживает. И не всякий тигр на такое ловится. Один тигр такой огромный был, что весь в клетку не поместился, и дверца ему на крестец упала. Он и вырвался. Такого тигра уже никак не поймаешь. Да. И этот учёный тоже один в маленькой палатке-скрадке ночевал. Тоже накурил, что «на дыму топор повесить можно». Чтоб ни мошек, ни тигров близко не было. Но это же тигр! Пришёл ночью, усами по скрадку пошуршал, а товарищ ни жив ни мёртв лежит. Пятками разобранное ружьё щупает. Но кто ж пятками ружьё собрать сможет? Ткнулся тигр носом, но из-за дыма табачного не стал рвать скрадок. Да, рвать скрадок не стал, но весь его обмочил-пометил. Знакомый говорит, что струя была что с пожарного ствола-брандспойта, когда пожар тушат. Уникальный случай! Повезло знакомому. Правда, скрадок потом никакие современные стиральные порошки не могли отстирать. Уж очень стойкий запах у тигра, оказывается.

Так что как минимум двух хороших людей курение спас-

ло от гибели. Хотя это радует. А то ж прямо эпидемия какая-то. С курения-то всё и начинается. Потом пиво, водка, наркотики. И всё это пагуба человеческая. Эх!..

Убей меня червонцем!

Брату Игорю посвящается

– Ну, убей меня червонцем! Ну, на пиво, понимаешь, не хватает... На опохмел... Ну, сорвался... Ну, ты же меня знаешь... Да из-за тигры это всё!

Передо мной, понутив огромную голову с кудрявой седой шевелюрой, стоит известный охотник, когда-то гремевший по всему краю как промысловик-передовик.

– На, Семёныч. А что тигра-то?

– Да, понимаешь, нервы не выдержали. Надо от тайги передышку, а то убью я её. Проходу не даёт. Собак всех передавила, капканы ходит спускает, соболей съедает, кабанов и изюбрей из долины гоняет на сопки. А у меня уже ноги не те, чтоб за ними туда лазать. Сам понимаешь – годы. И пугает меня постоянно. Ревёт неожиданно. А если кого подстрелю – сколько за раз мяса заберу, то и моё. Можно больше не ходить – с тиграми в момент всё съедает. Вот какая тут охота?! Мужики издеваются: мол, влюбилась она в меня. А я молчу, что мстит она мне за то, что забрал я у неё кабана, да выстрелами напугал её и её тигрят...

Влюбилась... Как же, влюбится такая! Съела бы уже давно, если б карабина не боялась. Злющая – ужас! А всё потому, что королевна она. Ей-богу! Королевна – не меньше!

Да сам бы на неё глянул – сразу бы понял. Цвету она редкого. АЛАЯ! Не кирпичная, а – алая! Ей-бо!

Я как раз аленький цветок нашёл. Опустился перед ним на колени, люблюсь, тихо радуюсь. Это раньше, когда находил, то громко радовался – молился по-своему. Богине что-нибудь вкусенькое оставлял – тут же под листьями прятал. Чтобы в следующий раз не забыла, опять к цветочку вывела. Аленький цветок? Ну, женишень то есть. Стою перед ним на коленях, уже как раньше мураши по спине не бегают – просто люблюсь. И тут она! Встала и орёт!

Вот ягоды женишень – алые. Чистый алый цвет. Сам знаешь. А вот она напротив – тоже алая! Сам бы не видел – не поверил бы.

А то ж любит на тропу неожиданно впереди вымахнуть и покрасоваться. И выбирает момент, когда что-нибудь тяжёлое несущ: или мясо, или капканы, или элеутерококк. Я тогда карабин впереди поперёк на груди несущ и не могу его быстро через голову снять. Всё знает! Изучила меня как облупленного. И где люблю посидеть, и где люблю умыться да водицы из родничка глотнуть, и где останавливаюсь, чтоб на ету... ну, как её?.. а! – на панораму – на тайгу посмотреть. И где берёзки обнимаю. Да, – обнимаю!

До этой королевны считал тайгу женою своею. Дак, сизмальства её люблю – знаю. Вот и считал. С деревьями разговаривал, с сопками. Ну, да, – как Дерсу Узала. Дак, поживи

в тайге с моё, и ты будешь не то что с деревьями – с травинкой каждой за милу душу разговор держать. Каждое дерево будешь, как я, с закрытыми глазами определять. А что? – и помогает, особенно, когда в потёмках идёшь. Потрогаешь кору – ага, орех или бархат попался, знать, до зимовья самое большее километр топать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.